

“Летопись Монаха Сазавского” и Киевская летопись: сравнение методов историописания*

The Chronicle of the Monk of Sazava and the Kievan Chronicle: A Comparison of the Historiographical Method

Йитка Комендова

Университет им. Ф. Палацкого
Оломоуц, Чехия

Jitka Komendová

Palacký University Olomouc
Olomouc, Czech Republic

Резюме

Статья посвящена определению основных черт историописания, характерных для “Летописи Монаха Сазавского”, одного из чешских латиноязычных историографических произведений, относящихся к группе так называемых “Продолжений Козьмы Пражского” (*Continuationes Cosmae*), и соотнесению авторского метода Сазавского монаха с методом, использованным в древнерусском летописании того же времени, а именно в Киевской летописи. В статье исследуется роль хронологической линии в нарративной структуре обоих произведений и выявляется тенденция к нарушению или ослаблению погодной сети, которое, однако, не имеет последовательного характера, и хронологическая линия не заменяется другим структурообразующим принципом (как, например, в Галицко-Волынской летописи). Данный подход определяется как гибридизация анналистической структуры. Тенденция к нарушению погодной сети связана и с включением самостоятельных литературных памятников в хронологически построенное изложение истории, что особенно наглядно в способе,

* Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2016–2018 z Fondu pro podporu vědecké činnosti.

которым Монах Сазавский вставил в хронологическое повествование Козьмы текст под заголовком “*De exordio Zazavensis monasterii*”. Типологическое сходство между “Летописью Монаха Сазавского” и Киевской летописью проявляется также в способности инкорпорировать тексты нелитературного (юридического) характера. В обоих сравниваемых памятниках авторский субъект играет бóльшую роль, чем в анналах, однако — особенно в Киевской летописи — не настолько значительную, как в авторских хрониках латинского средневековья, в том числе Чешской хронике Козьмы Пражского. В этом смысле анализируемые памятники определяются как тексты, вышедшие за рамки жанра анналов, но и не ставшие хрониками, так как их авторы не смогли преодолеть разнородный характер используемых источников, дать тексту цельную повествовательную перспективу и выступать в тексте в качестве авторитета, определяющего способ повествования, а также гарантирующего качество использованных источников и достоверность оценочных суждений.

Ключевые слова

Летопись Монаха Сазавского, Киевская летопись, Древняя Русь, Чехия, жанр, историография

Abstract

The article defines the main characteristic features of the Chronicle of the Monk of Sazava, one of a number of Bohemian Latin historiographic works that belong to the group of so-called continuations of Cosmas’s chronicles (*Continuationes Cosmae*); the article compares the method of the Monk of Sazava with the method used in Old Russian historiography of the same period, namely in the Kievan Chronicle. It focuses on the role of the chronological line in the narrative structure of both texts, and reveals their tendency to break the chronological narrative frame. This tendency, however, is not consistent, and the chronological line is not replaced by another structural principle (as happens, for example, in the Galician-Volhynian Chronicle). Such an approach is defined as hybridization of annalistic structure. The tendency to break the year-by-year structure is related to the insertion of independent literary works into the chronologically organized historical narration, which is particularly evident in the way in which the Monk of Sazava incorporated the text entitled *De exordio Zazavensis monasterii* into the chronological narration of Cosmas. The typological similarity of the Chronicle of the Monk of Sazava and the Kievan Chronicle is also evident in their ability to incorporate the texts of a non-literary (legal) character. In both chronicles under consideration, the role of the author is more important than in annals, however, the importance of the author is still lower (particularly in the case of the Kievan Chronicle) than in such Latin medieval works by an individual author, as in the Chronicle of Bohemians by Cosmas of Prague. In this respect, the texts analysed here are defined as texts that exceeded the frame of the genre of annals, but did not become chronicles, since their authors could not overcome the diverse character of the sources they used; they were not able to provide the text with a unified narrative perspective and thus to act as an authority defining the method of narration and guaranteeing the credibility of judgment.

Keywords

Chronicle of the Monk of Sazava, Kievan Chronicle, Medieval Russia, Bohemia, genre, historiography

В эпоху, ограниченную с одной стороны Чешской хроникой (*Chronica Boemorum*) Козьмы Пражского и с другой — Збраславской хроникой (*Chronicon Aulae Regiae*), в чешской среде возник ряд менее обширных историографических трудов. За исключением нескольких чисто анналистических произведений, все чешские историографические тексты XII–XIII вв. находятся на стыке нескольких жанров: анналов, хроник, жития, светской биографии, мемуаров и деяний (*gesta*) [VLÁNOVÁ 1988: 176]. Сложность жанрового определения текстов чешского историописания данной эпохи проявляется и в том, что традиционные названия отдельных текстов не отражают их настоящего жанрового характера, а у некоторых даже нет одного общепринятого названия¹.

К данной группе текстов относится произведение, традиционно обозначаемое как “Летопись Монаха Сазавского” и принадлежащее вместе с “Летописью Каноника Вышеградского” к так называемым “Первым продолжениям Козьмы” [FRB, 2]. Оба памятника резко расходятся с точки зрения подхода к труду Козьмы: если Каноник Вышеградский действительно начинает работу там, где закончил свою хронику Козьма (1126 г.), и ведет свое изложение до 1142 г., то Монах Сазавский не только продолжает Чешскую хронику, но также вносит ряд дополнений прямо в текст Козьмы. Поэтому, по мнению исследователей, следует говорить не о продолжении, а о самостоятельном изводе Хроники Козьмы [PRAŽÁK 1986: 26; VLÁNOVÁ 1995A: 146; ZELENKA 2009: 51]. Подход Монаха Сазавского к труду Козьмы является довольно нетрадиционным в контексте чешской средневековой письменности. Чешские историографы, как правило, не вмешивались в “авторский текст” своих предшественников, а в случае, когда старшие версии изложения истории по любым причинам их не удовлетворяли, они предлагали свои собственные, новые версии. Напротив, в рамках древнерусского летописания метод, использованный Монахом Сазавским, является широко распространенным, если не основополагающим.

Целью настоящей статьи является определение основных черт историописания Монаха Сазавского и соотнесение его авторского метода с методом, использованным в древнерусском летописании того же времени, а именно в Киевской летописи. Данная летопись была выбрана для сравнения не только по причине хронологической близости к труду Монаха Сазавского, но также по другим её особенностям, в первую очередь структурным. Киевская летопись дошла до нас как часть Ипатьевской летописи, где ей предшествует “Повесть временных лет”, и после нее следует Галицко-Волынская летопись. Вадим Аристов обратил внимание на тот факт, что характерной чертой Киевской, Галицкой и

¹ Sázavský letopis и Sázavská kronika, Jarlochův letopis и Jarlochova kronika и т. д.

Волынской летописей является отсутствие начала и конца текстов: авторы, воспринимавшие свое произведение не как самостоятельное целое, а как продолжение старшего текста, начинали свое изложение непосредственно там, где по любым причинам закончили свою работу их предшественники. В этом смысле подход летописцев очень близок подходу авторов, создававших в латинской письменности продолжение (*continuatio*) крупных авторских хроник [Аристов 2013: 112–114].

Анонимный сазавский автор создал свой труд в 70-е гг. XII в., т. е. уже в латинский период Сазавского монастыря, когда любые контакты с Киевской Русью давно ушли в прошлое. Сравнение сазавского историописания с киевским летописанием того же времени имеет чисто типологический характер, и нельзя предполагать влияние одного памятника на другой. Данный факт, по нашему мнению, никак не уменьшает значения сравнительно-типологического анализа, так как и без поисков мнимого “влияния” можно сквозь призму компаративистики лучше понять жанровую специфику обоих текстов и использованные авторами методы историописания, а также по-другому взглянуть на вопрос соотношения жанра древнерусской летописи с жанром хроники и анналов в латинской средневековой письменности.

1. Погодная сеть и её нарушение

Летопись Монаха Сазавского резко отличается от Киевской летописи по своим размерам и объему охваченного временного периода, однако общей чертой обоих текстов является, с одной стороны, использование анналистической линии как основного принципа структурирования текста, с другой стороны — нарушение этой линии. Сазавский бенедиктинец, как и монах-сводчик, составляющий в конце XII в. Киевскую летопись, использовали для своей работы погодные записи, тем не менее окончательный текст возник *ex-post*, что особенно очевидно у Монаха Сазавского, закончившего свое изложение истории в 1162 г., т. е. более чем за десять лет до возникновения текста.

Козьма Пражский, ориентирующийся на образец хроники Регино Прюмского, построил свое произведение на хронологическом членении текста [VLÁNOVÁ 1995в: 22]. Его продолжатели и другие чешские средневековые историографы относятся к анналистической структуре по-разному: некоторые ее полностью соблюдают, другие разным способом перешагивают ее рамки, но ни одно дошедшее до нас произведение не отказывается полностью от этой структуры и не заменяет хронологическую линию другим принципом наррации.

В древнерусском летописании от анналистической формы повествования отказался только автор первой части Галицко-Волынской

летописи. “Автор, называющий самого себя хронографом, — пишет А. П. Толочко, — составлял свое произведение как подражание византийским хроникам, для которых погодная сеть и точные даты были не обязательны” [Толочко 2005: 84]. Однако Галицко-Волынская летопись осталась в данном смысле единичным экспериментом, и для историописания древней Руси принцип хронологического изложения истории остался единственным определяющим.

Хронологические данные типа “A.d. . . .”, “Eodem anno”, “Deinde eiusdem anni”, или же “В лѣто . . .”, “Того же лѣта”, “Въ се же лѣто”, “Тогда же”, “Потом же . . .” выполняют двойную роль: во-первых, передают прямой факт датировки, во-вторых, они представляют собой формулу перехода от одного сообщения к другому. Они служат как элемент и сегментации, и интеграции текста. Таким образом, хронологическая линия представляет собой основной принцип композиции.

Автор сазавского продолжения (извода) Чешской хроники, придерживаясь хронологического структурирования текста, не настаивает на нем настолько, чтобы отдельные сведения образовали замкнутые более или менее обширные единицы, не связанные с другими записями, как это характерно для синхронных анналов. Хронология представляет собой основной принцип наррации, однако автор прямо сообщает читателю, что он — автор — держит текст полностью в своих руках и сам решает, когда и в какой форме включить какое-либо сообщение. Для этого служат авторские комментарии типа: “Каково же было усердие его . . . , будет сказано на своем месте” (об аббате Сильвестре под 1123 г.)², к чему относится сообщение под 1134 г.: “Здесь представляется место, чтобы исполнить ранее обещанное”³. Подобный приём встречается и под 1161 г.: “В самом деле, о его достохвальной жизни можно было бы сказать многое, [. . .] но, поскольку я помню, что ранее я уже частично говорил о ней, [. . .] довольно здесь об этом”⁴.

В Киевской летописи тенденция к ослаблению структурообразующей функции погодной сети проявляется в том, что на первый план выдвигается другой принцип сегментации текста, а именно членение по времени правления отдельных князей. Данный принцип не противоречит традиционной погодной упорядоченности текста, но одновременно дает летописцу возможность образовать бóльшие, эпически богатые, нарративно законченные единицы текста по сравнению с классическими

² “Cuius quanta fuerit diligentia in divinis et ecclesiasticis rebus amplificandis, loco suo dicetur” [FBR, 2: 253].

³ “Hic locus sese tulit, quod superius promisimus absolvere . . .” [FBR, 2: 259].

⁴ “De cuius vitae laudabili qualitate multa quidem [. . .] dici possent, sed quia superius iam inde me ex parte dixisse memini, [. . .] hoc in loco ista sufficiant” [FBR, 2: 267].

анналами. Если в ходе изложения истории нарушается основная линия повествования, автор возвращается к предыдущей теме с помощью традиционной летописной формулы: “Мы же на преднее възвратимся” [ПСРЛ, 2: 112об.]⁵, — или предваряет последующее повествование формулой: “егоже и послѣди скажемъ” [ibid.: 241]. В связи с тем, что распределение по периодам княжения отдельных Рюриковичей в Киевской летописи наслаивается на погодную структуру, не разбивая ее принципиальным образом, авторские структурообразующие комментарии в данной летописи развиты в гораздо меньшей степени, чем в Галицко-Волынской летописи, где отсутствие погодной линии требовало другого подхода к формированию нарративной структуры.

2. Агиографический дискурс в летописи

Как Монах Сазавский, так и древнерусские летописцы в отдельных частях своего текста или интенсивно использовали дискурс, характерный для литературных произведений других жанров, или прямо вставляли в свое изложение истории законченные литературные произведения других авторов⁶. Благодаря этому приему в тексте усиливается эпический характер по сравнению со сжатым анналистическим изложением, а также углубляется его дискретность, так как использованные тексты отличаются своей жанровой природой, стилем, характером образов, традиционными топосами. В случае, когда использовались тексты, сопротивляющиеся механической разбивке на отдельные годы, в летописи происходят различные формы гибридизации анналистической структуры.

Наибольшую привлекательность для средневековых историографов имели житийные произведения. В тексте Монаха Сазавского проявилось влияние агиографического дискурса настолько сильно, что данный памятник можно считать типичным примером *opus mixtum* — жанрово гибридного текста, соединяющего историографический и агиографический принцип наррации.

Сазавский монах включил в хронику Козьмы обширный текст неизвестного автора под заголовком “De exordio Zazavensis monasterii”. В изложении анонимного автора передается жизнь св. Прокопия и история Сазавского монастыря приблизительно со второго десятилетия XI в. до 1096 г.⁷ Сазавский монах должен был решать вопрос, как включить

⁵ Ср. аналогичную фразу: “мы же на предлежащее възвратимса” [ПСРЛ, 2: 240, 241об.].

⁶ Например, жития Александра Невского, Михаила Черниговского, Довмонта Псковского или Дмитрия Донского, сохранившиеся в составе древнерусских летописей, — ср. [Гимон 2012: 233–234].

⁷ Детально о возникновении сазавского историописания и роли агиографии в этом процессе ср. [Blánová 2005].

такой текст в погодную структуру целого произведения, и вставил его в конец первой книги Чешской хроники, после повествования Козьмы о смерти князя Ольдржиха и начале правления Бржетислава I, так как оба правителя имели решающее значение для судьбы Сазавского монастыря. Таким образом, повествуя о наиболее давних событиях, текст “De exordio Zazavensis monasterii” возвращается в прошлое, после чего описываются события, хронологически параллельные повествованию Козьмы во второй книге (характеризирующие развитие чешского государства с 1038 г. до смерти короля Вратислава II в 1092 г.) и началу третьей книги. В результате обширное повествование о св. Прокопии и начале Сазавского монастыря резко нарушает хронологическую сеть Чешской хроники.

Для древнерусского летописания подобное использование самостоятельных литературных памятников было распространено гораздо больше, чем в чешском историописании того же периода. Повествование “De exordio Zazavensis monasterii”, содержащее ряд топосов, характерных для жанра *historiae foundationum monasteriorum* [ВЛАНОВА 2005: 197], во многих отношениях близко изложению о начале Печерского монастыря в Повести временных лет [ПСРЛ, 1: 156 об.]. В Киевской летописи мы не найдем житийного текста, близкого повествованию “De exordio Zazavensis monasterii”, что связано с однозначной ориентированностью данной летописи на историю князей. Тем не менее житийный дискурс отразился в историографическом изложении и здесь, а именно в княжеских панегириках. В зачастую резко драматических обстоятельствах смерти открывалась возможность дать более комплексный образ того или иного князя, ретроспективно оценить его жизнь. Именно этот подход является и причиной нарушения основной хронологической линии повествования. Особенно наглядно это видно во фрагменте, связанном со смертью князя Давида Ростиславича, где в сравнительно небольшом объеме текста летописец даже дважды оговаривает нарушение хронологической линии повествования [ПСРЛ, 2: 241–241об.]. Сильное влияние агиографии на историографический дискурс очевидно и в статье “Летописи Монаха Сазавского”, посвященной смерти князя Спытигнева и построенной по тому же нарративному принципу, что и княжеские панегирики в Киевской летописи⁸.

⁸ 1157. V Idus Januarii Spitigneus dux, immo flos et honor ducum, proh dolor! nimis intempestiva morte vitae praesentis accepit terminum, vir prae ceteris divinae pietatis dote magnifice praeditus, et ut pace omnium dictum sit, totus ex omni virtutum elegantia compositus, cuius qui digne meminit, dolore et lacrimis nequaquam carere poterit. Cecidit quippe aureus ecclesiae dei clypeus, clericorum pater, pupillorum mater, moerentium intimus consolator, totius honestatis et bonitatis sollertissimus indagator, cui virtus amor, vitium fuit horrori, cuius in iudicio arcem victoriae misericordia et veritas semper obtinuit. Ad miserendum denique nullus eo facilius, ad irascendum et vindicandum in

Среди повествований о смерти князей наибольший интерес исследователей вызывает (и своей эстетикой наиболее привлекает сегодняшнего читателя) текст, известный как “Повесть об убийстве Андрея Боголюбского”. Несмотря на усилия исследователей, авторство и точное происхождение “Повести” не удалось установить, однако создание этого произведения вскоре после описанных в тексте событий, безусловно, связано с кем-то из ближайшего окружения убитого князя.⁹ На историографическое изложение убийства князя Андрея сильно повлиял агиографический дискурс, отразившийся и в повести об убийстве Игоря Ольговича. Топосы и образность данных повестей тесно связаны со “Сказанием о Борисе и Глебе”, пользовавшимся в XII в. большой популярностью [Еремин 1949: 86] и исходившим из общеевропейской (в том числе чешской) традиции житий князей-страстотерпцев.

Остается до конца не решенным вопрос, можно ли считать повести о князях, дошедшие до нас в рамках Киевской летописи, самостоятельными литературными произведениями, включенными в летописное повествование, или они являются самой сутью киевского историописания. Н. Ф. Котляр убежден, что повести,

... выделяемые учеными в составе Киевского свода [...] являются вовсе не его источниками, переработанными затем и составившими основу текста (как многие думали ранее), а его составными частями, соединенными между собой отдельными краткими погодными статьями. [...] а и в тексте самих повестей эти статьи обязательно присутствуют, пусть даже для удобства изложения событий, соблюдения их последовательности и хронологии [Котляр 2006: 42, 54].

Тем не менее можно заключить, что проникновение агиографического дискурса в историописание в обоих сравниваемых произведениях связано не только со сферой образности, то есть содержательной стороной текста, но и с другими способами наррации, что в свою очередь приводит к гибридизации традиционной анналистической структуры.

3. Юридический материал в летописи

Самостоятельную тему представляет собой включение нелитературного материала в историографический труд.

reos nemo difficilior. Quem etiam deus virga benignae suae correctionis multo tempore in praesenti flagellavit, sed baculum consolationis ad percipienda vitae futurae praemia reservavit. Longa siquidem et difficilia apud exterarum nationum passus exilia, tandem tam praeeptione quam petitione Friderici, Romani imperatoris, a Wladizlao duce recipitur in patria, sed brevi temporis interstitio, fati urgentibus migrat ab hoc seculo, pro temporali dispendio felicitatis aeternae beandus solatio” [FRB, 2: 263–264].

⁹ Основную информацию об этом тексте и обзор гипотез об авторстве см. в: [Колесов 1987].

Сазавский монах вставил в изложение истории монастыря юридическое подтверждение имущественных прав Сазавского монастыря¹⁰. Цитирование актового материала не было в рамках чешской средневековой историографии аномальным явлением, однако, при том что отдельные тексты представляют несомненный интерес, в целом актовый материал, сохранившийся в нарративных памятниках, не играет такой важной роли, как в древнерусском контексте, где по не вполне ясным и в науке живо обсуждаемым причинам сохранилось несравнимо меньшее количество грамот, чем в других странах Европы того же периода.

В Киевской летописи, особенно в части, посвященной правлению Изяслава Мстиславича, находятся тексты юридического и дипломатического характера, отличающиеся специфической стилистикой и не тождественные по языку летописной наррации [Франчук 1986]. В качестве примера можно привести речь Вячеслава Владимировича к Изяславу Мстиславичу, записанную под 6659 г.:

сѣу Бѣ ти помози . вже на мене еси чѣть возложилъ . акы на своемъ Ѡци а я пакы сѣу тобѣ молвлю . а есмь оуже старъ а всѣ радовѣ не могу оуже радити но будевѣ вба Киевѣ . аче на будѣ которыи радъ или хрѣтыанѣ или поганыхъ . а идевѣ вба по мѣсту . а дружина моя и полкъ мои . а то буди вбою нама ты же ради . аче кдѣ на будеть мочно вбѣвима ѣхати . а вба ѣдевѣ пакы ли а ты ѣзди с мой полкомъ . и съ своимъ . Изаславъ же със великою радостью и с великою чѣтью поклониса Ѡцю своему . и рѣ Ѡце кланяю ти са . како есвѣ рекла тако же на и даи Бѣ быти по мѣсту . доколѣ же и жива будевѣ [ПСРЛ, 2: 152–152об.].

Остается предметом споров то, когда можно говорить о прямом цитировании письменных памятников (грамот), а когда в летопись был записан устный юридический акт [Лавренченко 2016], что не совсем ясно и в связи с цитированием юридических материалов в чешской средневековой историографии, в частности в “Летописи Монаха Сазавского”¹¹.

¹⁰ “Facta ergo celebri promotione Bracizlaus primo quidem donationem, quam pater suus eidem patri adhuc ante susceptionem abbatiae fecerat, flumen videlicet subterfluens a Milobuz usque ad speluncam, quae vulgo Zacolnica dicitur, cum pratis et silva circumiacente, principali corroboravit auctoritate, dein etiam hanc eandem donationem supervenientibus heredibus et eam suo iuri usurpative vindicare molientibus, nolens paterna cessare statuta, semet opposuit, litem diremit, et eidem patri Procopio omnem utilitatem in aqua et silva a praedictis terminis redonavit, agros vero et prata ex utraque parte adiacentia sub testimonio et confirmatione filii sui Wratizlai et principum suorum DC denariorum pretio redemit, et abbati Procopio scripsit et legitimis testibus reconsignavit. Ad extremum quoque ex propria largitione terram, quae circa est, usque ad silvam Strnounic, nec non villam Zcramnik, et unum stagnum et structuram lignorum ad piscandum centum denariis comparatam eidem abbati et suis successoribus pro remedio animae suae in perpetuum possidenda contradidit” [FRB, 2: 244].

¹¹ Ср.: “Wenn wir die Denkweise des Autors der Mitte des 12. Jahrhunderts beiseite lassen, geht hier klar hervor, dass wir mit einem Akt zu tun haben, der nach dem

Тем не менее само наличие документального материала в нарративном памятнике является очередным доказательством факта, что древнерусская летопись отличалась высокой степенью способности инкорпорировать жанрово многообразные тексты.

4. Авторский замысел и авторский субъект в тексте

Одним из важнейших критериев при оценке любого историографического труда, а также при определении отдельных жанров историописания является цельность замысла и способ выражения авторского субъекта, этот замысел осуществившего [Гимон 2012: 84–85].

Текст сазавского автора не оставляет у читателя сомнений, что изложение истории определяется стремлением выразить значение Сазавского монастыря и его роли в истории Чешского государства [VLÁNOVÁ 2005: 204]. Сазавская агиография и историография XII в. имели в первую очередь оборонительный характер, так как бенедиктинцы в данное время должны были все больше уступать давлению новых орденов цистерцианцев и премонстратов и искали защиту в исторической традиции и авторитете своего основоположника [PRAŽÁK 1986: 29–30; VLÁNOVÁ 1995A: 145].

Авторская точка зрения в труде Монаха Сазавского играет важную роль, но ее резко усиливает форма, в которой текст предлагает современным читателям Йозеф Эмлер, издавший его как самостоятельное произведение¹². Однако не следует забывать, что для средневекового читателя авторское “я” только дополняло голос Козьмы, с которым оно сосуществовало и перекликалось в рамках одного текста. Авторский субъект в сазавском произведении выступает от первого лица и эксплицитно объявляет себя ответственным за структуру повествования и отбор фактов, но не выступает в качестве гаранта достоверности. Он также никак не оговаривает свои источники и их информативную ценность, не тематизирует историографическую работу как таковую, ее принципы

mündlichen Rechtsverfahren des Herzogs vom Kloster verfertigt und mit Angaben über die Zeugen der Handlung verstehen wurde. Mit einer Urkunde im wahren Sinne des Wortes ist in dieser Zeit nicht zu rechnen” [HLAVÁČEK 1979: 90–91].

¹² Йозеф Эмлер в своих изданиях чешских латиноязычных историографических памятников XII–XIII вв. стремился реконструировать “оригинальные” авторские тексты путем отделения их от разного типа глосс и вставок, в связи с чем сохранившийся текст разбивал на ряд гипотетических единиц. Однако новейшие издания чешских переводов данных памятников отказываются от подхода Эмлера и передают текст конкретной рукописи. Издание “Второго продолжения Козьмы” 1974 г. берет за основу текст Дражицкой рукописи как одно целое [VLÁNOVÁ 1974: 7, 214], и точно так же новейшее издание произведений Винценция и Ярлоха передает данные тексты по одной Милевской рукописи [MORAVOVÁ 2013].

и смысл. В этом отношении он ближе авторскому субъекту древнерусского летописания, чем роли повествователя у Козьмы Пращского в Чешской хронике.

Учитывая сложную структуру Киевской летописи, можно в связи с данным памятником говорить о цельности авторского замысла только в рамках отдельных частей текста. Явной содержательной цельностью и связанной с этим целостностью оценки описываемых событий особенно отличается обширная часть летописи, посвященная правлению Изяслава Мстиславича. Сводчик, составивший дошедший до нас текст, не смог преодолеть разногласий в авторском замысле отдельных статей летописи. Особенно ярко это видно, когда под 6698 г. приводится текст, прославляющий латинских рыцарей Третьего крестового похода:

В то же лѣто иде црѣ Немѣцкыи со всею своею землею битиса за гробъ Гнѣ проавиль бо башеть емоу Гѣ анѣлмъ вела емоу ити . и пришедъшимъ имъ . и бьющимса крѣпко . с бѣгостоднѣми тѣми Агараны . Бѣу же тако попоустившоу гнѣвѣ свои на весь миръ . зане исполниса злобѣ нашихъ вса земля . и си вса наведе на ны грѣхъ ради нашихъ . во истину соудъ створи и правы соудбы его . и преда мѣсто стна своего инѣмъ . иноплеменикомъ . сии же Нѣмци іако моученици стии . прольаша кровь свою за Хѣ . со цри своими ѡ сихъ бо Гѣ Бѣ нашъ намениа проави . аще кто ѡ нихъ в брани ѡ иноплемениныхъ оубьени бѣша . и по трехъ днехъ . телеса ѣ невидимо из гробъ ихъ анѣлмъ гнѣмъ взата бѣвахоуть . и прочии видаще се тоснахоутьса пострадади за Хѣ . ѡ сихъ бо вола Гнѣа да сѣстьса . и причте іако избранному своему стадоу в ликъ моученицкыи . се бо створи Гѣ за грѣхы наша . казна весь миръ . и пакы ѡбращаа . іако же сгрѣшихомъ . и безаконьновахомъ . и не ѡправдохомъса пред нимъ . кто бо свѣсть оумъ Гнѣ . и тайнаа его творенаа кто вѣсть [ПСРЛ, 2: 231 об.].

Данное сообщение резко выделяется на фоне всей летописи не только своей темой (сюжет о немецких рыцарях на Ближнем Востоке никак не соотносится с общей ориентацией летописи на жизнь и правление киевских князей), но и своим мировидением, ценностной системой; оно никак не связано с остальным текстом летописи, так как прославление латинских рыцарей никак не соотносится с отрицательным, или по крайней мере сдержанным отношением древнерусских книжников к представителям латинского мира. В Киевской летописи в целом отсутствует единый взгляд на историю, из чего следует, что, несмотря на неоспоримые высокие эпические достоинства, данное произведение невозможно приравнять к хроникам латиноязычного мира.

5. Древнерусская летопись в контексте дискуссий о жанрах средневековой историографии

Выше мы уже коснулись факта, что группа чешских историографических повествований XII–XIII вв. может пролить новый свет и на одну из интенсивно обсуждаемых проблем, связанных с древнерусским летописанием, — на спор о соотносимости древнерусской летописи с жанром западноевропейских *annales*, или хроники.

Данная дискуссия ведется в медиевистике уже с XIX в. и, кроме всего прочего, связана с проблемой перевода названий произведений древнерусского историописания. Во многих языках используется для летописей понятие “хроника” (*Nestorchronik*, *Primary Chronicle*, *Chronique des temps passés*, *Crónica de Néstor*, *Elmúlt idők krónikája* и т. д.), даже тогда, когда данный памятник имеет однозначно анналистический характер (*Die Erste Nowgoroder Chronik*, *Novgorod First Chronicle*, *Première chronique de Novgorod*, *Crónica de Nóvgorod* и т. п.). В чешской среде тексты древнерусской историографии традиционно обозначаются как “*letopis*”, тем не менее и здесь наблюдается тенденция перейти от понятия “летопись” к “хронике”¹³.

В российской науке можно выделить два полюса данной дискуссии: на одном древнерусская летопись оценивается как вполне оригинальный жанр, на другом допускается возможность ее соотнесения с определенными жанрами других европейских литератур или византийского, или латинского происхождения. Отношение к данной проблематике в значительной мере связано с общественной атмосферой: если дореволюционная наука находила аналогии древнерусских летописей в жанрах византийской и латинской письменности, то в советской науке, наоборот, подчеркивался специфический характер данного древнерусского жанра. В последней это был прежде всего Д. С. Лихачев, резко выступавший как против ученых, усматривающих генетическую связь между древнерусским летописанием и византийской историографией (В. М. Истрин, М. Д. Приселков), так и против теории связи с западнославянским историописанием (Н. К. Никольский); своим авторитетом он на долгое время задавал тон в интерпретации летописей [Гимон 2012: 85–92]. Общеизвестным стало утверждение Лихачева, что

... жанр русских летописных статей создан далеко не сразу, исходил из готовых образцов, но затем под влиянием требований русской жизни изменился и приобрел, наконец, ту характерную форму и те характерные

¹³ Ср. и новейший чешский перевод “Повести временных лет”, где в предисловии издатель вводит неясное понятие “коллективная хроника” и считает, что “в связи с традицией мы будем в дальнейшем использовать для данного произведения понятие летопись, хотя можно было бы назвать его и хроникой” [TÉRA 2014: 12–13].

особенности, которые составляют отличие русской хронографии и от византийской, и от западноевропейской [Лихачев 1947: 62].

Современная российская наука, напротив, возвращается к идее, что вполне обосновано сравнивать историографические жанры в широком культурном контексте и искать аналоги древнерусского летописания за рубежом Восточной Европы¹⁴. Список работ, посвященных данной теме, остается пока относительно узким. Исследователи сосредоточиваются не на византийских, а на латинских историографических формах, причем не находят параллелей между древнерусской летописью и хроникой латинского средневековья¹⁵ и придерживаются в основном двух взглядов: если Н. И. Щавелева считает древнерусскую летопись “хронографическим произведением, синтезирующим в себе хронику и аннал” [Щавелева 1990: 140], то А. А. Гиппиус и Т. В. Гимон доказывают аналогию между древнерусским летописанием и западно- и центральноевропейскими анналами [Гимон 2012; Гимон, Гиппиус 2005: 174–200; Гиппиус 1997: 24–27; *идем* 1999: 345–364; *идем* 2003: 25–43]. По мнению обоих авторов, анналы как самая простая форма историописания могли возникнуть параллельно в разных культурных средах [Гимон, Гиппиус 2005: 192], тем не менее А. А. Гиппиус считает связь между древнерусским летописанием и западноевропейскими анналами явлением не только типологического, но и генетического порядка:

Древнерусское летописание есть все основания считать одним из важнейших элементов этой “невизантийской” культурной парадигмы, возникшим, как можно думать, при непосредственном западном влиянии. Во всяком случае именно к такому предположению подталкивает рисуемая исследователями европейской анналистики картина ее постепенного продвижения с запада на восток, с VII в., когда анналистический жанр в форме так называемых “пасхальных анналов” зарождается в Англии и в ходе деятельности британских миссий переносится на континент, по конец X – середину XI в., когда первые анналы появляются в Чехии, Польше и Венгрии. В возникновении летописания на Руси естественно видеть заключительный этап этого поступательного движения жанра [Гиппиус 1997: 25].

Если в наших размышлениях мы ограничимся двумя основными жанрами средневековой историографии, анналами и хрониками, и будем понимать древнерусское летописание как единое целое, то утверждение А. А. Гиппиуса и Т. В. Гимона об аналогиях между древнерусскими

¹⁴ Этот вопрос затронул и С. М. Каштанов, формулируя цели т. н. сравнительного источниковедения [Каштанов 2001: 158–168].

¹⁵ Это мнение появляется исключительно в связи с Галицко-Волынской летописью, которая, однако, в контексте древнерусской историографии уникальна с жанровой точки зрения.

летописями и западными анналами не вызывает сомнений. Однако как жанр древнерусских летописей, так и историописание других народов весьма многообразны, и более детальное сравнение конкретных текстов может немного уточнить вышеприведенное утверждение. В рамках чешского средневекового историописания мы находим наиболее близкие аналогии для Киевской летописи не с классическими анналами и не с крупными авторскими хрониками, а именно с жанрово гибридными текстами XII–XIII вв., к которым вполне можно применить характеристику, данную А. А. Гиппиусом древнерусским летописям: “памятники сложного состава, во всех отношениях (текстологическом, литературном, языковом и др.) многослойные и гетерогенные” [Гиппиус 1999: 350]. Как и киевское летописание, стоящее между двумя уникальными текстами древнерусской письменности — “Повестью временных лет” и Галицко-Волынской летописью, так и чешские произведения, возникшие в эпоху между Чешской хроникой Козьмы Пражского и Збраславской хроникой, уже довольно далеки от анналов, но не стали хрониками, в первую очередь потому, что субъект автора в тексте не утвердился настолько, чтобы преодолеть разнородный характер используемых источников, дать тексту цельную повествовательную перспективу и выступить в тексте как авторитет, определяющий способ повествования, а также гарантирующий качество использованных источников и достоверность оценочных суждений.

Библиография

Источники

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Ленинград, 1926–1928.

———, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

FRB, 2

EMLER J., ed., *Cosmae Chronicon Boemorum cum continuatoribus. Fontes rerum Bohemicarum*, 2, Praha, 1874.

Литература

Аристов 2013

Аристов В. Ю., “Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.)”, in: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 105–129.

Гимон 2012

Гимон Т. В., *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*, Москва, 2012.

Гимон, Гиппиус 2005

Гимон Т. В., Гиппиус А. А., “Русское летописание в свете типологических параллелей”, in: *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*, Москва, 2005, 174–200.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., “Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики”, in: Г. Г. ЛИТАВРИН, Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ, ред., *Славяне и немцы. Средние века — раннее Новое время*, Москва, 1997, 24–27.

——— 1999

Гиппиус А. А., “К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв.”, in: *Великий Новгород — истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*, Москва, 1999, 345–364.

——— 2003

Гиппиус А. А., “У истоков древнерусской исторической традиции”, in: *Славянский альманах 2002*, Москва, 2003, 25–43.

ЕРЕМИН 1949

Еремин И. П., “Киевская летопись как памятник литературы”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 7, Ленинград, 1949, 67–97.

КАШТАНОВ 2001

КАШТАНОВ С. М., “К теории и практике сравнительного источниковедения”, in: Т. Н. ДЖАКСОН ET AL., ред., *Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*, Москва, 2001, 158–168.

КОЛЕСОВ 1987

КОЛЕСОВ В. В., “Повесть о убиении Андрея Боголюбского”, in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1, Ленинград, 1987, 365–367.

КОТЛЯР 2006

КОТЛЯР Н. Ф., “О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (24), 2006, 36–54.

ЛАВРЕНЧЕНКО 2016

ЛАВРЕНЧЕНКО М. Л., “Устная речь и публичная коммуникация: К вопросу о княжеских речах Киевской летописи”, in: *Восточная Европа в древности и средневековье*, 28: *Государственная территория как фактор политогенеза: XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, 20–22 апреля 2016 г.: Мат-лы конф.*, Москва, 2016, 165–169.

ЛИХАЧЕВ 1947

ЛИХАЧЕВ Д. С., *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва, Ленинград, 1947.

ТОЛОЧКО 2005

ТОЛОЧКО А. П., “Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи”, *Paleoslavica*, 13/1, 2005, 81–108.

ФРАНЧУК 1986

ФРАНЧУК В. Ю., *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*, Киев, 1986.

ЩАВЕЛЕВА 1990

ЩАВЕЛЕВА Н. И., *Польские латиноязычные средневековые источники (тексты, перевод, комментарий)*, Москва, 1990.

ВЛАНОВА 1974

VLÁNOVÁ M., *Pokračovatelé Kosmovi*, Praha, 1974.

——— 1988

VLÁNOVÁ M., “Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience,” in: L. VEVR, red., *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*, Praha, 1988, 165–199.

——— 1995A

VLÁNOVÁ M., “Kláštérní historiografie ve středověkých Čechách,” in: A. ROBOG-LENARTOWICZ, red., *Klasztor w kulturze średniowiecznej Polski*, Opole, 1995, 143–157.

——— 1995B

BLÁHOVÁ M., *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila v kontextu středověké historiografie latinského kulturního okruhu a její pramenná hodnota*, Praha, 1995.

——— 2005

BLÁHOVÁ M., "Sázaver Geschichtsschreibung," in: P. SOMMER, Hrsg., *Der heilige Prokop, Böhmen und Mitteleuropa*, Praha, 2005, 185–204.

HLAVÁČEK 1979

HLAVÁČEK I., "Diplomatisches Material in den narrativen Quellen des böhmischen Mittelalters bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts," in: *Palaeographica, diplomatica et archivistica*, Roma, 1979, 73–96.

MORAVOVA 2013

MORAVOVÁ M., *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Ansberta*, Praha, 2013.

PRAŽÁK 1986

PRAŽÁK E., "Kosmas a Sázavský letopis," *Slavia*, 55/1, 1986, 19–38.

TERA 2014

TERA M., *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský*, Červený Kostelec, 2014.

ZELENKA 2009

ZELENKA J., "Kosmas, Mnich sázavský, Jarloch a sedmdesátá léta 12 století," in: M. MAŠEK ET AL., *Vladislav II., druhý král z Přemyslova rodu*, Praha, 2009, 50–68.

References

Aristov V. Yu., "Redaction, Compilation, or Chronicle? (On the Genre of Rus' Annalistic Sources of 11th–13th Century)," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 105–129.

Bláhová M., *Pokračovatelé Kosmovi*, Praha, 1974.

Bláhová M., "Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience," in: L. Vebr. red., *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*, Praha, 1988, 165–199.

Bláhová M., "Klášterní historiografie ve středověkých Čechách," in: A. Pobóg-Lenartowicz, red., *Klasztor w kulturze średniowiecznej Polski*, Opole, 1995, 143–157.

Bláhová M., *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila v kontextu středověké historiografie latinského kulturního okruhu a její pramenná hodnota*, Praha, 1995.

Bláhová M., "Sázaver Geschichtsschreibung," in: P. Sommer, Hrsg., *Der heilige Prokop, Böhmen und Mitteleuropa*, Praha, 2005, 185–204.

Eremin I. P., "Kievskaja letopis' kak pamiatnik literatury," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 7, Leningrad, 1949, 67–97.

Franchuk V. Yu., *Kievskaja letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii*, Kiev, 1986.

Gimon T. V., *Historical Writing in Early Medieval England and Early Rus: A Comparative Study*, Moscow, 2012.

Gimon T. V., Gippius A. A., "Russkoe letopisanie v svete tipologicheskikh paralelei," in: *Zhanry i*

formy v pis'mennoi kul'ture srednevekov'ia, Moscow, 2005, 174–200.

Gippius A. A., "Drevnerusskie letopisi v zerkale zapadnoevropejskoi annalistiki," in: G. G. Litavrin, L. V. Zaborovskiy, eds., *Slaviane i nemtsy. Srednie veka – rannee Novoe vremia*, Moscow, 1997, 24–27.

Gippius A. A., "K kharakteristike novgorodskogo vladychnogo letopisanii XII–XIV vv.," in: *Velikii Novgorod – istorii srednevekovoi Evropy*, Moscow, 1999, 345–364.

Gippius A. A., "U istokov drevnerusskoi istoricheskoi traditsii," in: *Slavianskii al'manakh 2002*, Moscow, 2003, 25–43.

Hlaváček I., "Diplomatisches Material in den narrativen Quellen des böhmischen Mittelalters bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts," in: *Palaeographica, diplomatica et archivistica*, Roma, 1979, 73–96.

Kashtanov S. M., "K teorii i praktike sravnitel'nogo istochnikovedeniia," in: T. N. Dzhakson et al., eds., *Norna u istochnika Sud'by*, Moscow, 2001, 158–168.

Kolesov V. V., "Povest' o ubienii Andreia Bogoliubskogo," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 365–367.

Kotliar N. F., "O vozmozhnoi prirode netraditsionnosti struktury i formy Galitsko-Volynskoi letopisi," *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 2 (24), 2006, 36–54.

Lavrenchenko M. L., "Ustnaia rech' i publichnaia kommunikatsiia: K voprosu o kniazheskikh rechakh Kievskoi letopisi," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'*, 28: *Gosudarstvennaia territoria kak faktor politogeneza*, Moscow, 2016, 165–169.

Likhachev D. S., *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*, Moscow, Leningrad, 1947.

Moravová M., *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Ansberta*, Praha, 2013.

Pražák E., "Kosmas a Sázavský letopis," *Slavia*, 55/1, 1986, 19–38.

Shchaveleva N. I., *Pol'skie latinoiazychnye sredne-vekove istochniki (teksty, perevod, komentarii)*, Moscow, 1990.

Tera M., *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský*, Červený Kostelec, 2014.

Tolochko A. P., "Proiskhozhdenie khronologii Ipat'evskogo spiska Galitsko-Volynskoi letopisi," *Paleoslavica*, 13/1, 2005, 81–108.

Zelenka J., "Kosmas, Mnich sázavský, Jarloch a sedmdesátá léta 12 století," in: M. Mašek et al., *Vladislav II., druhý král z Přemyslova rodu*, Praha, 2009, 50–68.

Acknowledgements

Palacký University Olomouc, Foundation of Support for Academic Activities, 2016–2018

Doc. Mgr. **Jitka Komendová**, Ph.D.

Filozofická fakulta Univerzity Palackého, docent na katedře slavistiky

Křížkovského 10

77180 Olomouc

Česká Republika / Czech Republic

jitka.komendova@seznam.cz

Received July 12, 2016